

Паранойя

33 сказки для взрослых

18+

Елена Атай

Елена Атай
Паранойя. 33 сказки
для взрослых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50579943

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07809-3

Аннотация

Любовь и смерть. Печаль и радость. Все в нашей жизни переплетено, как в сказке. Хотите знать, как любят ежики? Как abortируют любовь? Что чувствует инопланетянка, влюбившись на Земле? Какое чудо может сделать простая фрезия? Как оживает мрамор? Где живет душа? Зачем рисуют окна на каменной стене? И правда ли, что люди умирают в разлуке? Все – сказка, под названием наша жизнь.

Содержание

Фея Дождя	4
Розовая сказка	5
Мозаика	7
Счастливой любви не бывает	11
Сказка о любви и совести	14
Последнее волшебство Последнего Романтика	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Фея Дождя

Я не взяла зонт. Свой большой, яркий, разноцветный зонт. Я оставила его дома. И вымокла под дождем. Намокло платье. Волосы. Я стала похожа на Фею Дождя. Грустную, плачущую Фею.

Я останавливалась возле каждого телефонного автомата. Не для того, чтобы спрятаться (Фее незачем прятаться от дождя). Я набирала твой номер. Долго-долго слушала длинные гудки и брела дальше. К следующему телефонному автомату.

Я забыла о времени. Я забыла о доме. Я забыла о дожде. Мне так нужно было услышать твой голос. Ты не подходил. Тебя просто не было дома. Ты не знал. Не знал, что если сегодня я не услышу тебя, то просто не смогу жить дальше. Что если мы не встретимся сегодня, меня не станет.

С каждым звонком я все больше намокала, превращаясь в дождь. Я обошла очень много телефонных автоматов. Но еще не все. Еще оставалась надежда, что ты ответишь мне. И я спасусь. Но ты не отвечал. Становилось темно. И холодно. Я подошла к последнему автомату. Мне было страшно. Очень страшно. Я набрала твой номер и долго-долго слушала длинные гудки.

А после тихо растворилась в ночной мгле. Ты не виноват. Никто не виноват. Может быть, дождь.

Розовая сказка

Солнце выскочило из-за противоположного берега реки и заполонило все розовым светом. Розовой стала вода, трава, небо, цветы, деревья и мы с тобой. Ты изменился, как Мастер в лунном свете.

Вокруг твоей головы вспыхнул розовый нимб, в глазах зажглись огоньки, черты лица разгладились и смягчились.

Я увидела вдруг, что ты бесконечно влюблен в меня и удивилась тому, что столько лет не могла это разглядеть.

Ты подошел ко мне и обнял. Я прижалась к тебе и подумала, что без тебя я больше не смогу. Что с этой минуты ты – это я.

Ты собирал для меня букет разноцветно-розовых цветов. Пели птицы. Стрекотали кузнечики. Я сидела на розовой земле и смотрела на тебя. Это было восхитительно.

Мы любили друг друга в розовой траве. И не было больше никого на свете – только ты, я и солнце. Огромное и бесконечное, как любовь.

Когда я проснулась, мир уже не был розовым. Солнце, маленькое и желтое, стояло высоко в небе и посылало на землю палящие белые лучи. Ты сидел рядом, жевал травинку и смотрел на меня.

Твое лицо стало другим. Под глазами залегли глубокие тени, лоб избородили морщины. Огоньки исчезли из глаз, и глаза стали пустыми.

Мне уже не казалось, что ты бесконечно влюблен в меня. И тем более не казалось, что ты – это я. Ты поднялся и подал мне руку. Я встала, уронив в траву завядший букет, который еще недавно был таким разноцветно-розовым.

Ты обнял меня за плечи, а я подумала, что мне все равно. Мы молча брели по тропинке, и ты безуспешно пытался идти в ногу со мной. Ты никогда не мог идти со мной в ногу.

Ты сказал:

– Завтра опять пойдем встречать рассвет?

Я ответила:

– Нет.

– Почему? – спросил ты.

– Потому что розовая сказка кончилась.

Ты ничего так и не понял. Но хорошо, что не попросил объяснить. Я бы все равно не смогла.

Мозаика

Шестнадцать ступенек: восемь – площадка, две – площадка, шесть. Ты в сутках от меня. Впереди. Там, где Солнце. Когда-то я тоже любила Солнце. Собака воет на Луну, которой нет. Я начинаю собирать мозаику.

Очень трудно складывать мозаику в безлунную ночь. Звезды – далеко. А может бросить? Махнуть рукой и уснуть? Не спится. В открытое окно вливается горячим шоколадом июльский воздух.

Сначала нужно найти уголки: я, ты, он, она. Тебя – в левый верхний угол. Его – в нижний правый. Мы с ней – по диагонали. Висим в черной пустоте. И ничего не можем сделать друг с другом. Вот так бы и оставить. Приклеить. Зафиксировать. Обездвижить. Убить. Шучу!

Осколки отношений кучей на полу. В бездонной пустоте под ногами. В них – наша жизнь. И от того, соберу я их или нет, зависит все.

Хоть бы маленький-малюсенький кусочек Месяца!

Июль, август и март не подходят для заклинаний.

Конечно, я могла бы помешать твоему отъезду, с ней. И всего-то – высушить, стереть в порошок и насыпать на порог твоего дома сердце волка и лошади. В сознании две пленки

– звук плюс изображение. Не соединяются. Как кусочки мозаики.

Я, ты, он, она. Считалочка нарушилась. Ты и она уехали. Он ушел. Осталась только я, чтобы собирать мозаику. Ночь. Какая разница – кто в каком углу? Всех соединит рамка. Черная.

Хочешь, я подарю тебе каплю дождя?

Я не знала, что у ночной бабочки в темноте светятся глаза. Можно нащупать гитару. Можно, держась рукой за стену, спуститься вниз по скрипучим деревянным ступенькам. Восемь – площадка. Две – площадка. Шесть. И попросить лампочку. Но разве лампочка поможет собрать мозаику? Особенно, если молчит телефон.

Телефон! Вот по ком воеет собака. Мой телефон умер. Не сразу. Сначала он просил помощи. У твоего. Иногда длинные гудки мертвее, чем самая мертвая тишина.

Я иду по дороге к Солнцу. Но мне все равно не успеть за тобой. Каждую ночь я складываю бесконечную мозаику. А утро смешивает выстроенные кусочки в кучу.

Нужно завести часы. Пусть тикают. Когда-то я мечтала пожить одна.

Кто бы помог? Может быть ты? Нет, у тебя своя мозаика. Ты спешишь собрать ее. Потому что у тебя в запасе слишком мало безлунных ночей. И ты ближе к звездам, чем я.

На самом деле все просто: берут две восковые свечи, скручивают их винтом вместе со словами: «Как эти свечи свиты вместе, так и мы с тобой будем свиты». После зажигают перед образом и говорят: «Я не свечу зажигаю, а душу и сердце зажигаю раба (имя) ко мне рабе (имя) навсегда». И жгут девять раз.

Умение производить астральный выход – это еще не все. Два часа пятнадцать минут. Отправление. Первая летаргия, Вторая. Третья... Полная потеря личной памяти. Только твоя. С твоей мозаикой в ней.

Вот бы продать душу дьяволу! Нужно сосредоточиться и вспомнить заклинание для оживления мертвого телефона. Помнишь, ты называл меня ведьмой? Эх, намазаться мазью, взять в руки щетку, завопить, чтобы стены задрожали: «Взвейся вверх и никуда!» И вылететь в трубу. На Лысую гору. На Брокен. На Линдергорн. К черту! Только я не ведьма. Зря ты воткнул перед уходом нож в дверной косяк.

Если ночную бабочку посадить в чашку с горячим шоколадом, она умрет. Зато ей не нужно будет складывать мозаику. Значит, убить. Шучу!

Начну сначала. Ты – в правом нижнем углу. Он – в левом верхнем. Она и я – по диагонали. Бесконечное количество вариантов. Но верен лишь один.

Можно искать во всем глубокий философский смысл,

а можно просто собирать мозаику. Скоро появится Луна.
Нужно успеть.

Счастливой любви не бывает

Это случилось в первый день весны. Двое – он и она – пережившие много, перелюбившие многих, шли навстречу друг другу. Поворот, еще поворот... Они встретились. Остановились. И дальше пошли уже вместе. Так не бывает. Но это было.

И был первый поцелуй. И было фантастическое чувство, что они знают друг друга вечно. Что они предназначены друг другу во веки веков.

Никогда и никто на земле не любил, как они! Это было впервые не только для них. Это было впервые на свете. Вот об этом мечтали поэты, когда высказать робко пытались словом несовершенным – любовь. Но они не могли до конца ее выразить, потому что думали – так не бывает. Думали, это – мечта.

Так бывает! Гениальным художникам – слава. Всем, кто эту любовь предсказал. Так бывает, но только однажды, может, в тысячу лет.

Две души. И два тела. Слившись во времени и пространстве, понимают вдруг, что можно остановиться. Что больше не нужно искать. Все свершилось. И время не движется. И в песочных часах замирает песок. И солнце встает над землей, и уже не заходит. И месяц, как тоненький скальпель, на небе. И звезды. Их много. Но две – постоянны. Одна боль-

шая, спокойная и сильная. Вторая рядом – поменьше, беспокойно мерцающая. Сияют. И бритвенно-острый месяц не режет тонкие вены. И солнце. И птицы. И лето. Которое хочется, хочется так задержать.

Два года длилась их безумная любовь. Два года они писали друг другу письма. Короткие СМС-сообщения. Но в них уместилась целая жизнь.

Почему так прекрасны истории давней любви? Почему о Ромео с Джульеттой помнят люди столетия спустя? Почему гениален Петрарка? Любовь – в невозможности соединиться. Летать вместе просто нельзя. Потому что счастливой любви – не бывает.

Любовь – ожидание Чуда. Но чудо, как только оно происходит, становится просто радостным событием. Смысл – в ожидании.

Зачем она сохранила все СМС? Сначала ей было просто жаль их удалять. Она любила их перечитывать. Это было так красиво. Так захватывающе. Но память в телефоне не безгранична. И однажды, когда пришла пора, у нее рука не поднялась их уничтожить. Стала копировать и сохранять, по месяцам. Конечно, она тогда еще не знала, что их будет столько. Не думала, что будет так красиво. Случайно – не специально – красота. Не собиралась воссоздавать по ним историю счастья и горя, встреч и расставаний, обид и прощений, побед

и поражений. Историю любви.

Они писали днем, среди забот и дел, когда хотели сказать друг другу: «Я тебя люблю!» Писали ночью. Когда чужие рядом были люди. Когда на миг друг к другу прикоснуться мечтали. Когда, в разлуке, в споре и обиде болело сердце. Желтым огоньком беззвучно загорался телефон, и их души соединялись.

Два года! Каждый день и ночь! Сто тысяч СМС. Кто считает, сколько раз сказали они «Люблю!» друг другу. И каждое – от сердца – не слова. Со дна души. Огромное, как солнце!

Это было смыслом ее существования два года. До того момента, когда она скопировала и сохранила свое последнее СМС.

«Я написала наш роман. До встречи на небесах». Наверное, он что-то ответил. Но она его уже не услышала.

Сказка о любви и совести

Нам был нужен дом. Место, где мы спокойно можем побыть вдвоем, не отдергиваясь друг от друга при появлении случайного прохожего на пустынной аллее. Вовсе не для того, чтобы, как она говорила, прятаться от собственной совести. От совести не спрячешься даже за каменной стеной.

Я хотел одного, чтобы мы могли укрыться от назойливого любопытства и спокойно, без помех выяснить, что важнее – совесть или любовь.

Вернее, выяснить нужно было ей. Для меня уже все давно было ясно. Эта женщина – мое все. Нет ее – нет жизни. Так какая, к черту, совесть?

А она мучилась, страдала, решала и не могла решиться. И я страдал вместе с нею. И гадал: любит – не любит. Мое уставшее сердце, как на чаше весов, то взлетало к горлу, то скатывалось к ее ногам. Любит – не любит, любит – не любит, любит?

Я сказал, что нам нужен дом. Думала ли она об этом? Разве узнаешь, о чем она думает? Спросишь, улыбнется загадочной полуулыбкой и ничего не ответит. Иногда я боялся ее, как боятся неизвестности.

А она боялась скандала. Боялась огласки, людского зло-

словия. Не уходила и не подпускала к себе. Воздвигала между собой и мной невидимый, но непреодолимый барьер.

Я как-то сказал ей об этом в кафе. И по глазам понял – угадал. У нее очень говорящие глаза. Ни у кого больше нет таких. Улыбнулась.

– Ты вечно будешь ходить по кругу, то расширяя, то сужая его. Если слишком расширишь, то ударишься о барьер и придется все начинать сначала, с маленьких кругов. Готов к этому?

– А если слишком сузить?

– Отбросит к барьеру.

Я был согласен. Пусть кругами. Пусть о барьер со всей дури, лишь бы возле нее. Всегда.

А потом на сама вдруг сказала:

– Нам нужен дом. Не могу же я все время выбрасывать твои цветы.

Ночью мне снился Дом. Огромный, старый и мрачный, страшный и пустой. И в нем – она. Одинокая и неприступная. Себя я не мог найти в этом сне, как ни старался. И решил, что это не к добру.

Она позвонила вечером и сказала, что уезжает. Ей нужно подумать, отдохнуть от меня. Обещала позвонить, когда придет. А когда – не сказала. И не сказала куда едет. И на сколько. Положила трубку.

Со мной едва не сделался удар. Я малодушно подумал о смерти. Потом устыдился. Она вернется, а игрушки нет – сломалась. Вдруг это ее расстроит?

Я купил дом и стал ждать.

Она позвонила утром в мой день рождения. Будто и не уезжала никуда. Назначила встречу вечером. Я оставил дома жену и 16 гостей, купил ее любимые желтые розы и пошел к ней.

Она сидела в нашем кафе за нашим столиком. Пристально смотрела на дверь. Увидела меня. Улыбнулась своей загадочной полуулыбкой. Встала. Шагнула навстречу и, прижавшись ко мне всем телом, прошептала:

– Я соскучилась. Пойдем домой.

И поцеловала вот сюда, в маленькую морщинку справа возле рта.

Я обнял ее за плечи, и все стало не важно. Только она, я и жизнь. И мы пошли, ни разу не оглянувшись назад.

Последнее волшебство Последнего Романтика

Последний Романтик сидел на стуле, обняв руками спинку, и растерянно смотрел на свою Любимую. Любимая плакала. Она не всхлипывала, не рыдала, не заламывала руки, не комкала платок. Она сидела неподвижно напротив, и ее широко распахнутые глаза медленно наполнялись слезами, стекающими на платье.

За окном шел дождь. Он настойчиво и уверенно заливал их маленький домик, который она называла Последним Приютом, сад, веранду, гамак, лимоны в кадках, старый клен, отрезая их от всего мира.

Последнему Романтику ничего не стоило прекратить этот дождь. Еще хватило бы волшебства на то, чтобы разогнать тучи. Ради Любимой он и не на такое готов. Выращивать голубые розы, рисовать живые картины, которые умеют дышать, создавать из воздуха шедевры, повелевать музыкой.

Любимая гордилась им в тот момент, когда он держал в своих красивых, сильных и очень нежных руках трепещущую душу музыки. Все вокруг замирало в ожидании чуда. И чудо происходило. Музыка, проходя через кончики пальцев Последнего Романтика, становилась осязаемой. Из звуков она превращалась в чувство, ощущение, переживание

близкое каждому.

Любимая так гордилась и так боялась. А вдруг, пропуская музыку через себя, вкладывая в нее душу, когда-нибудь он отдаст все, что имеет. И опустеет. Она не знала, что душа его неиссякаема, потому что есть источник, питающий ее. Этот источник – она. Они никогда не говорили об этом.

Последнему Романтику ничего не стоило прекратить дождь. Но он понимал, что это ничего не изменит. Потому что его волшебства не хватит, чтобы остановить слезы, падающие на платье Любимой. А значит, все не имеет смысла.

Они никогда не говорили о том, что было давно. Когда они еще не были Любимой и Последним Романтиком. Когда у них были имена, семьи, квартиры, машины, должности и планы. Они никогда не вспоминали об этом. Вслух.

Однажды оба сделали выбор. Они поселились вдвоем в домике с верандой, на которой в больших кадках росли лимонные деревья. С маленькими окнами в шторах. С крохотным садиком, гамаком и старым кленом, который стучал ветвями в окно спальни.

У них была хорошая жизнь. Они никогда не спорили и не ссорились друг с другом. Они были нежны и внимательны. Они любили. И ни разу раньше Последний Романтик не видел слез Любимой.

Она не плакала от страха, когда весь мир ополчился про-

тив их любви. Она не плакала от боли, когда делала выбор.

Она всегда боролась. Никогда не сдавалась. Она была сильной. Быть может, слишком сильной. И вдвоем они когда-то победили всех. Последний Романтик решил, что борьба окончена. И успокоился. А теперь она плачет.

Когда-то было время трудных разговоров, долгих запутанных бесед, отчаянных монологов и горячих споров. Например, о высокой морали.

Она спрашивала:

– Ты высокоморальный человек?

– Думаю, да.

– Потому что ты никого не убил и ничего не украл?

– Я не вступал в сделку с совестью.

– А я? Разве я не твоя сделка с совестью?

– Я люблю тебя.

– А ее?

– Ее я не люблю. Но мы понимаем друг друга. Мы так давно вместе, что стали почти родственниками. Она мне друг, но не любовница.

– А я – любовница.

– Нет, ты не понимаешь. Не в этом смысле. Ты для меня все. Без нее я могу, а без тебя – нет.

– И тебе не стыдно?

– Нет. Почему ты спрашиваешь?

– Потому что мне стыдно. Я не могу жить с этим. Ты изменяешь ей со мной. А я ему с тобой.

– У нас с ней нет секса. Значит, я никому не изменяю. К тому же она знает, что у меня кто-то на стороне. Ее это устраивает.

– Правда? Тогда почему бы не жить втроем, вчетвером?

– Ты с ума сошла!

– Потому что это аморально?

– Ты переворачиваешь все с ног на голову. Я больше не хочу говорить об этом.

– Ни один человек никогда не сможет понять другого.

– Ты не права. Если люди любят друг друга, они как одно целое. Одинаково думают, чувствуют, видят мир. Им даже не нужно слов.

– Но до самого доньшка узнать другого человека невозможно. Люди даже себя не знают. Что уж говорить о других.

– Я тебя знаю. Потому что чувствую тебя.

– А если ты ошибаешься?

– Ты еще молода. У тебя недостаточно жизненного опыта.

Не стоит спорить со мной.

– Я не буду спорить с тобой. Просто из моего крохотного жизненного опыта буду знать, что ни один человек не может понять другого. Никогда.

– Я понимаю тебя. Потому что я люблю тебя.

– А что такое любовь?

– Как я могу объяснить, если ты не чувствуешь этого?

– Вот видишь, ты не понимаешь. Я люблю тебя.

– А его?

– Мы уже говорили об этом.

– Мы уже тысячу раз говорили об этом, но скажи, кого бы ты выбрала, если бы пришлось выбирать?

– Это нечестно.

– Перестань трусить.

– Я не трушу.

– Трусишь. Ты должна выбрать. И тогда тебе не нужно будет каждый день вступать в сделку с совестью. До каких пор вы будете изображать счастливую семью?

– Он мне ничего плохого не сделал. Он любит меня. И я не могу бросить его.

– Я тоже люблю тебя. И схожу с ума от мысли, что он всегда рядом с тобой. Прости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.